

А.Р. КАПАСОВА

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ КАЗАХСТАНА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Проблема формирования национальной идеи стала на сегодняшний день одной из обсуждаемых тем в научных кругах. Особенно заметно вырос интерес ученых в связи с последними тенденциями развития глобализации, охватившее весь мир. В данном контексте проблема формирования национальной идентичности каких-либо этнических групп стала объектом политического исследования.

Предметом нашего анализа является процесс формирования национальной идеи и национальной идентичности в политической истории Казахстана в конце XIX-начале XX вв. в ракурсе изучения концепции нации и национализма выработанной западной наукой. Сама постановка проблемы в рассматриваемый период дает нам возможность применить теорию нации и национализма к условиям Казахстана, как неевропейской цивилизации, [1] оказавшегося одной из колоний Российской империи. Используя сопоставительный метод можно выявить региональное измерение данного явления в политической жизни Казахстана начала XX вв.

Прежде чем рассматривать проблематику вышесказанного, здесь необходимо выяснить ключевой вопрос, является ли формирование национальной идеи и казахской наций в указанный период результатом исторических процессов и, следовательно, «продуктом» эпохи новейшего времени? Ответ на данный вопрос, требует определенного анализа и тщательного изучения темы.

Исторический период конца XIX-начала XX веков по своей интенсивности развития этничности относится к наиболее яркому периоду консолидации нации накануне установления большевистского режима. В российской государственности все в большей степени стал проявлять себя глубокий политический кризис, обусловленный возрастающей неспособностью управленческих структур, в том числе и колониальных, адекватно реагировать на изменяющуюся действительность. Этот же этап характеризуется при-

внесением в национально-освободительную борьбу народов национальных окраин Российской империи нового чувства сплоченности этносоциальных групп по признакам крови и высокого интеллектуального компонента, возродившейся национальной элитой.

Основным признаком в системе нациеобразующих координат выступает определение тождественности, или же идентичности, или же этнического самосознания сообщества, возможно, и группы сообществ, определяющих источник дихотомии «мы-они», через которую члены одной национальной популяции рассматривают другие как бы через призму собственных культурных ценностей. Обеспечивая несводимыми связывающими звеньями, способствующими солидарности и чувству принадлежности к единой группе, тождество казахов явилось исходной социальной и политической базой формирования национальности, хотя особенностью региона являлось то, что до революции он являлся «донациональным».[2]

Действительно, население центральноазиатской части империи рассматриваемого периода отличалось тем, что использовало несколько типов тождеств: религиозное (мусульманская умма), местное или географическое (идея Великого Туркестана) и наконец, родовое или племенное тождество.

Обратив внимание на религиозное самосознание этнических групп в преемственности формирования нации, Э.Хобсбаум определил что: «Религия – это старый испытанный способ, позволяющий через обрядовую практику и своеобразное братское чувство соединить людей, в остальном имеющих между собой мало общего». [3]. Тем не менее, важно отметить, что эти традиционные тождества могли существовать, не исключая при этом друг друга. «Именно в этом заключалась, конечно, самая поразительная особенность досовременных, дорациональных мировоззрений: в сосуществовании в пределах одного мировоззрения множества не совсем целостных.

Но связанных иерархически субмиров и в выделении особых, исключительных явлений, имеющих сакральный характер и изъятых из повседневного обихода». [4]

Будучи самым многочисленным кочевым народом Российской империи, казахи на рубеже XIX-XX вв как историческая нация с сильными национальным самосознанием, сопротивлялись установлению русского господства. Национальная политика в Центральной Азии тем временем сравнивается западными аналитиками с политикой апартеида в Южной Африке: туземное население не привлекалось на военную службу, регион был отрезан от внешнего источника влияния, колониальные власти стремились сохранить наиболее архаичную форму культуру.

Отношение российского государства к инородцам до середины XIX в. характеризовалась различными подходом к каждой из этнических групп и определялось как интересами российского государства, так и социально-политической ситуацией в том или в ином регионе. Социально экономические изменения, независимо от чьей – либо воли, разрушали традиционный образ жизни многих нерусских народов.

Под влиянием внешних сил трансформация национальной тождественности становится неизбежной. На протяжении всего XIX века экономика пастушеского кочевничества шла на спад в невиданных масштабах и к концу века, с приездом более-2-х млн русских и украинских посланцев, около 70% казахов перешли от круглогодичной миграции у полуоседлому образу жизни с племенным живодноводством и ограниченным земледелием. Изменения экономической ситуации, так же как и система местного самоуправления (которая определялась территорией, но не родом), способствовали подрыву племенной и родовой власти. Ее позиция усугублялась зарождающейся казахской интеллигенцией. Как следствие, произошли существенные изменения в социальной и политической структурах. Ги Имарт определяет тенденцию проведения жестко централизованной политики на окраинах, как курс на создание «Супернационального государства». [5] В целом в рассматриваемом отрезке времени констатируются необратимые процессы превращения Степи из этнически однородного в полиэтническое общество. А у части правящей элиты складывается убежденность в том,

что этническая неоднородность России со временем будет все более и более серьезным препятствием на пути создания сильного государства.

Специфика России была в неразделенности метрополии и колонируемой периферии географическими пространствами, как это имело место с классическими европейскими империями. Кроме того, этническая периферия отличалась крайним разнообразием уровней модернизации населения и его политической консолидации. Столкновения представителей центральноазиатских представителей с Россией характеризуется всеми чертами того феномена, который Э.Смит называет конфронтацией с организованным согласно современным европейским образцам «научным государством», что по его мнению, является одним из базовых условий возникновения национализма. [6] Интерпретация этого столкновения производилась представителями образованной элиты, которая распалась на две группы - первую составили те, кто получил образование в традиционных религиозных школах, вторую - выпускники недавно созданных светских школ, основанных по модели европейского образования.

Если важнейшими факторами, обусловивших возникновение национализма и процессы формирования наций в рассматриваемый период, Э.Геллнер делал акцент на роли индустриализма и формирования системы всеобщего стандартизованного образования. «Небывалый накал национализма в девятнадцатом веке и в двадцатом столетиях есть отражение и следствие индустриального-способа производства, возникшего и распространившегося именно в этот период... Новый общественный порядок не предполагал замыкания в маленьких сообществах, а напротив требовал взаимодействия с огромным числом людей в необъятном, мобильном, массовом человеческом море.

Некоторые специфические последствия ранней индустриализации, которые чаще всего не долговечны, тем не менее играют важную роль. Это - бурный рост населения, быстрая урбанизация, миграция рабочей силы, а также экономическое и политическое слияние до сих пор более или менее замкнутых сообществ благодаря единой экономике и централизованному правлению», - так Э.Геллнер связывает возникновение нации. [7]

Б.Андерсон подчеркивал значение «печатного капитализма», «лингвистических революций» нового способа видения мира «воображаемых сообществ». «Вторая причина в том, что общий язык, именно потому, что он не возникает «сам собою», но создается искусственно, а в особенности после того, как он становится языком печатной литературы, приобретает повышенную устойчивость и начинает казаться более «неизменным», а значит, и более «вечным», чем он был на самом деле. Отсюда – важная роль, которую играет не только изобретение книгопечатания само по себе, но и деятельность знаменитых борцов за чистоту и норму, которые появляются в истории каждого литературного языка, причем всякий раз в эпоху печатного слова». [8]

Началом процесса сознательной модернизации неевропейских народов следует признать распространение печати и прессы, повышение статуса национальных языков за счет превращения их в письменные языки, а также реформу системы школьного образования. Это происходило на фоне кардинального изменения отношения элиты к собственному обществу: адресатом идей, которые представители элиты стремились передать при помощи новых или модернизированных средств информации. В рассматриваемый период именно в «публичной среде», то есть в среде образованной казахской элиты, читающей и пишущей публики, и обсуждаются, формируются и воспроизводятся образы нации и концепции национальных интересов. Именно из «публики» эти идеи транслируются в «народ» по мере того, как они становятся доступны для пропаганды и печатного слова. Газета «Казах» и «Айкап» и многие другие становятся доминирующими изданиями по всей национальной территории, где начинают выпускаться статьи, касающиеся тем нации, государственности и национальной культуры казахского народа. Благодаря этому процессу, были созданы условия, способствовавшие складыванию нового самосознания в рамках общественного движения, в которое были вовлечены представители казахской элиты и слоев населения, хотя массовость этих движений была различной.

Как бы там ни было, но основным носителем национальной идентичности становится политическая элита, первая начинающая проявлять беспокойство того, что в соревновании с европейскими стандартами их нация остается далеко по-

зади. Как в XIX в., так и сейчас, элита рассматривается как решающая часть населения, создающая и разрабатывающая идеи, а ее отношение к государству является определяющим фактором, их вероятной реакции на государство. Элита в многонациональном обществе, которой препятствуют в ее жажде успеха и власти; элита, уставшая от осталости своей страны и беспокоящаяся о создании сообщества, которое, могло бы мобилизовать государство - и то и другое являются наиболее распространенным.

Более того, интеллектуальная элита национальных меньшинств открыла для себя еще один исторический закон, согласно, которому познание культуры «имперской державы» есть сильнейший из всех возможных стимулов для реабилитации собственной национальной культуры»-«это первый решительный шаг на пути к национализму». [9] Подвергаясь более массивному воздействию со стороны метрополии, чем их южные соседи, казахи в лице просвещенной элиты видели свою задачу прежде всего в самовыживаемости как народа, а познание культуры этнического большинства способствовала протрезвлению от иллюзий реформаторов первого поколения. «Взросшая политическая активность этих лет позволила казахам лучше понять точку зрения европейцев на политические права народов. Одним из выводов, к которому пришли многие, сводилось к романтическому восприятию номадизма казахов, которому предстояло стать важным компонентом в развитии казахского национализма. История кочевого образа жизни казахов была их историей; традиции и обычаи, связанные с номадизмом, были их культурным наследием. Через их сохранение казахи сами сохранялись как единый народ и как таковой они имели право на определенную степень политической автономии и право на культурное самовыражение. Целью казахского национализма было достичь именно этого». [10]

Процесс формирования нации и национальной идентичности в Казахстане соответствуют закономерностям не западного национального процесса. В современной по национализму процесс формирования нации в незападных регионах мира принято разделять на две группы-имперский и колониальный [11]

И здесь надо обратить внимание, что Казахстан относился именно к тому региону, где про-

водился имперский способ формирования нации. Насколько это, то есть программа официального национализма по превращению мульти-этнической империи в компактную политическую нацию на основе территориального принципа, было успешным?

Попытка стандартизовать или же ассимилировать национальную элиту царизму не удалось. Всегда находилась группа мыслящих людей, которая по своему мироощущению в любое время была готова направить энергию на защиту национального тождества народа. Само образование этих элит было частью процесса модернизации; без них не было бы сочленения национальных требований и преобразования в политическую акцию. Позиция казахской национальной элиты на рубеже XIX-XX вв. была в известной степени двусмысленна. С одной стороны, будучи задействованы в колониальной администрации, представители этой элиты участвовали в проведении политики царизма в регионе, успех которого во многом влиял на их карьеру. В то же время они испытывали все возрастающее разочарование из-за своего статуса второсортных людей. Очевидно, что этот комплекс неполноценности и послужил побудительным импульсом проявления недовольства в сфере межнациональных отношений.

Царская колониальная политика ослабила традиционные властные структуры в казахском обществе. Несмотря на попытки русских властей создать местный правящий класс, они не достигли успеха. В течение четверти столетия, предшествовавшего русской революции, различные силы боролись за контроль над казахскими массами, среди них светские реформаторы, казахские чиновники, мусульманское духовенство, реформаторы-пантюкисты. Однако каждая из этих групп столкнулась с трудностями в установлении своего верховенства в Степи.

Однако в интеллектуальном плане лидирующее положение все же занимала тонкая прослойка казахской интеллигенции, которая не только в Степи, но и через легальные органы госаппарата (Государственная Дума), средства массовой информации и образовавшиеся партийные каналы стала распространять свои взгляды на настоящее и будущее казахского народа. Тем не менее, политическая элита пропагандировала свои взгляды и во время Февральской революции, возгла-

вила казахское национальное движение и учредила Алаш-Ординское правительство.

К этому следует добавить, что реформаторская деятельность, определявшая сущность и содержание национальной тождественности, осуществлялась в рамках доминирующих родовых отношений и при сильном влиянии религиозной верхушки. «Перед революцией в казахском обществе существовало четкое деление между сторонниками светской школы или религиозными модернистами; первые стремились приспособить казахское общество к условиям современности, тогда как вторые предпочитали консервативные религиозные взгляды на мир, сохранения традиционных социальных и культурных нравов. Но обе эти группы сходились в одном: сохранении индивидуальности казахского общества...»[12]

Национализм, в свою очередь, обострял и поднимал на новый уровень религиозное самосознание мусульман, придавая ему новое политико-культурное значение, которое, как это ни парадоксально, стало одной из главных черт идеологии модернизаторов. Представители реформаторской позиции хотя и приняли русскую модель вхождения в мировое сообщество, но считали это возможным только на основе сохранения казахской национальной тождественности и выступали против политики русификации и ассимиляции.

Одной из ярких личностей этого направления являлся А.Букейханов, деятельность которого, в частности, как члена Государственной Думы и основателя Алаш-Орды. «Главным результатом участия казахов в Думе было то, что оно помогло укрепить казахское единство и поднять их политический уровень». А.Букейханов верил, «что казахи должны начать политическое наступление для защиты своего права оставаться самостоятельным народом. Ради достижения этого казахам необходимо преодолеть свои племенные привязанности и осознать, что они являются народом с общими интересами и общими целями, которых им следует добиваться сообща»

Как сторонники реформ в рамках исламского традиционализма, так и вестернизированные модернисты, одновременно, хотя и расходились в оттенках, но по сути представляли собой единое и одно из лидирующих в теоретическом плане общественное направление в Средней Азии и Казахстане. В выборе своего пути для казахского народа они были солидарны как в необходи-

мости адаптации к современным техносферным преобразованиям, так и в ослаблении власти колониальной администрации. Основное значение данного движения заключалось в переосмыслении казахской тождественности, которое стало включать в себя не только культурное, но уже и политическое измерения.

Прокатившаяся затем волна революционных бурь не устранила русско-мусульманских противоречий как главного фактора нестабильности в крае. Отсутствие политического опыта у лидеров, неопределенность задач, плохо организованное руководство и, наконец, политическая наивность позволили империи с помощью «революции сверху» и смены господствующей идеологии повсеместно уничтожить слой национальной элиты на национальных окраинах. С ликвидацией структуры и функции местной элиты был нарушен и естественный ход формирования и трансформации национальной идентичности казахов.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 *Миллер. А.* Росийская империя, ориентализм и процессы формирования наций в Поволжье. // Политическая наука. Национализм. Новейшие исследования. №4. 2002. 27с.
- 2 Зайончковский. В. Социальное самосознание татар, бурят и башкир в России и СССР – преемственность или разрыв традиции? // Политическая наука, 2002, №4. С. 39-72.
- 3 *Хобсбаум Э.* Нация и национализм после 1780 г. г. СПб. 1998г. Изд. «Алтейя». – 258с. \ пер. с англ. Васильев А.А. \166с.\
- 4 *Геллнер Э.* Нации и национализм- \пер с англ.\ \Ред. и предисл. И.М.Крупника М.: Прогресс 1991. С.-127 -320с.
- 5 *Сужиков Б.М.* Казахская политическая элита и трансформация этнической тождественности на рубеже XIX-XXвв. в зарубежной историографии С. 82-97\ \ \ \ [Казахстан](#) в начале XX века: методология. Историография и источниковедения. Сб. статей. Алматы. 1993. С. 168.\ \Под ред. М.К. Козыбаева. \ [Imart](#) G.G. A Unique Empire // Central Asian Survey\ - Oxford. Vol. VI.N4. – P. 12.\
- 6 *Smith, Antony.D.* Nationalism: Theory, Ideology, History. Cambridge:Polity Press, 2001. P.5-6].

7 *Геллнер Э.* Нации и национализм- \пер с англ.\ \Ред. и предисл. И.М.Крупника М.: Прогресс 1991. С.-6,7 -320с.

8 *Андерсон А.* Воображаемые сообщества. \Пер. Николаева, Москва. 2000. - 455с.\

9 *Сужиков Б.М.* Казахская политическая элита и трансформация этнической тождественности на рубеже XIX-XXвв. в зарубежной историографии С. 82-97\ \ \ \ [Казахстан](#) в начале XX века: методология. Историография и источниковедения. Сб. статей. Алматы. 1993. С. 168.\ \Под ред. М.К. Козыбаева. \ [Imart](#) G.G. A Unique Empire // Central Asian Survey\ - Oxford. Vol. VI.N4. – P. 12.\

10 *Olcott M.B.* Emergence of national Identity in Kazakhstan // Canadian Review of Studies in Nationalism. – Charlottetown, April. 1980.- N 10. – P. 293 .

11 *Smith, Antony. D.* Nationalism: Theory, Ideology, History. Cambridge:Polity Press, 2001. P.5-6].

12 *Olcott M.B.* Emergence of national Identity in Kazakhstan // Canadian Review of Studies in Nationalism. – Charlottetown, April. 1980.- N 10. – P. 293 .

13 Этничность и власть в полиэтничных государствах. // Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Матер. Международной конференции. 1993. -310с.

14 *Мухаметшина Н.С.* Основные элементы националистической идеологии. \Социология и социальная работа. 2004, № 1, С. 1-8 \

15 Общенациональная идея Казахстана: опыт философско-политологического анализа. – Алматы. 2006.421с.

Резюме

Қазақстандағы XX ғасыр басындағы ұлттық интеллектуалдық және саяси элитаның қазақ қоғамында ұлттық сана мен идеяға негізделген ұлттық бірегейлікті қалыптастыруға бағытталған қоғамдық-саяси қызметі жөнінде баяндалады. Автор өз мақаласында саяси және рухани-интеллектуалдық элита-қазақ қоғамындағы ұлттық бірегейлікті қалыптастырудағы ең негізгі басты қозғаушы күш екендігін дәлелдейді.

Summary

The article is devoted to the problem of national idea in Kazakhstan and the role of intellectual and political elite in formed of Kazakh identity on the century of XX in Kazakhstan society. And the article's author came to the conclusion that the intellectual and political elite of Kazakhstan was one of the greatest power in forming of national identity in Kazakh society of that time and so the article is useful for the political study.